

7.

Переводы

Марсилио Фичино

О звезде волхвов. О Солнце*

Фигура итальянского мыслителя Марсилио Фичино (1433–1499)¹ до сих пор остается не слишком известной отечественному читателю. Несмотря на то, что в последнее время появилось несколько исследований², посвященных его творчеству, его труды издавались на русском языке редко³, а те из них, которым подобная честь всё же выпала, не могут считаться в полной мере репрезентативными. Предлагаемые тексты — трактаты «О звезде волхвов» и «О Солнце» — помогут, возможно, восполнить этот пробел.

Сочинение «О звезде волхвов» было написано в 1482 году и в Полном собрании сочинений Фичино вошло в раздел проповедей⁴. Существует мнение, что подобного рода труды предназначались для публичного обсуждения в кружке мыслителей, близких Фичино, однако достоверной информации о том, произносил ли такую проповедь Фичино в действительности, не существует⁵. Кроме того, не стоит забывать о том, что в 1473 году Фичино был рукоположен в священники. Это, разумеется, открывает иной пласт для толкования данного труда.

В трактате «О звезде волхвов» Марсилио Фичино использует достаточно из-

* Перевод с латинского, вводная статья и примечания О.Л. Акопяна; ред. А.В. Гараджа.

¹ О жизни и творчестве Марсилио Фичино см. прежде всего Marcel 1958.

² См. Кудрявцев 2008.

³ Самые значительные издания Фичино на русском — Фичино 1981 и Фичино 2004.

⁴ Ficinus 1576: I. 489–491.

⁵ Buhler 1990: 351.

вестную астрологическую доктрину о так называемом «гороскопе Христа»⁶. Согласно ей, волхвы узнали о Рождестве Христовом по особенному расположению звезд, которое доказывало, что в этот день должен родиться Спаситель. В астрологической литературе «гороскоп Христа» был одним из частных случаев большой теории «великих конъюнкций»⁷, и ею весьма активно пользовались многие средневековые и ренессансные адепты астрологии. При этом важно отметить, что как для Фичино, так и для его коллег астрология не была недостойной наукой; скорее наоборот: долгое время ее положениями пользовались не только средневековые ученые, но и церковные деятели, стремившиеся доказать с их помощью догматы христианского вероучения. В этом же ключе работает Марсилио Фичино: с одной стороны, он всячески избегает рассуждений о предопределенности судьбы согласно звездной карте неба, с другой — показывает, что астрология в отдельных ее проявлениях может быть полезной для христианства.

Второй трактат — «О Солнце»⁸ — в значительной степени продолжает неоплатоническую традицию, в которой Бог уподоблялся Солнцу. В молодости Фичино составил небольшой трактат, который назвал «О сопоставлении Бога с Солнцем», но только в 1492 году смог переработать его и довести свой план до совершенства. Как раз в эти годы Фичино работал над вторым изданием сочинений Платона, а в том же 1492 году он впервые издал на латыни «Эннеады» Плотина. Это позволяет думать, что трактат «О Солнце» идейно связан с другими проектами Фичино того же периода, что в том числе доказывается многочисленными ссылками на труды Платона и его последователей. Не пренебрегает Фичино и астрологическими коннотациями: как и прежде в сочинении «О звезде волхвов», наука о предсказаниях по звездам становится важным элементом платонико-христианской экзегезы. Многообразие элементов и несомненная оригинальность позволяет считать трактат «О Солнце» одним из наиболее интересных и ценных самостоятельных сочинений Марсилио Фичино, первого переводчика Платона на Западе и крупнейшего мыслителя второй половины XV века.

⁶ См. об этом фундаментальную работу Ромпео Fagasci 1999. Кроме Фичино, среди знаменитых приверженцев этой «теории» можно назвать кардинала Петра из Айи и Джироламо Кардано.

⁷ Эта теория восходит к средневековым арабским ученым, прежде всего к Ал-Кинди и Абу Машару. Подробнее о ее истории см. Bertozzi 2008.

⁸ Ficinus 1576: I. 965–975.

*О звезде волхвов, которая привела их ко Христу,
царю Израиля, когда Он родился*

Господи, даруй нам Твою милость, покажи нам Твою звезду, которую некогда показал волхвам. Пусть она, которая привела волхвов ко Христу, приведет нас к Христовым тайнам.

«Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля». Этими словами в Книге Чисел Валаам проповедует будущего Мессию⁹. Однажды над Иудеей удивительным образом взошла звезда. Валаам жил на Востоке около Иерусалима, где были волхвы, среди которых находились жрецы, весьма сведущие в астрономии и управлявшие народом. Они, внимательные исследователи небесных знаков, определили событие, которое, согласно Валааму, должно было быть отмечено чудом звезды. Наконец, когда Христос родился, в небе блеснула поразительная комета. Что же думали ученые [люди] о комете, говорит Ориген в [книге] «Против Цельса», утверждая, что прочел в книге стоика Херемона о кометах, которые время от времени предвещают благоприятные и счастливые события. Такого рода была как раз та [комета], которая светила во времена Октавиана. [Ориген] говорит, что о ней тот же Херемон рассказал следующую историю: заметив [комету] и поняв, что их демоны утратили силу, халдеи направились в Иудею, дабы поклониться Богу более сильному, чем их демоны¹⁰.

Свидетельствует об этом также наш Халкидий, платоник, который передает разные истории о звездах; те, которые можно увидеть редко, приносят большие бедствия. Затем, добавляет он, существует другая история, более святая и достойная почитания, в которой говорится, что с рождением некоторой звезды, которую наблюдали также халдеи, будут возвещены не болезни и смерть, а достопочтенное Сошествие Бога, несущего благодать спасения человека и всего смертного. И так халдеи почтили только что

⁹ Чис. 24:17.

¹⁰ См.: Orig. *Contra Celsum* I. 60. Херемон — философ-стоик, жил в I веке н.э.

рожденного Бога, принеся Ему дары. Так говорит Халкидий¹¹. Об этом свидетельствует также Светоний, говорящий следующее: «на Востоке распространено было давнее и твердое убеждение, что судьбой назначено в эту пору выходцам из Иудеи завладеть миром», поэтому иудеи восстали против римлян и были побеждены¹².

Из этого следует, что восточные астрономы некоторым образом, посредством правил астрологии и знаков, согласных с ними, решили, что в то время родился царь, [наделенный] поразительной властью, который изменит мир к лучшему. Увидев благоприятную и благотворную комету, они решили, что она по своей природе происходит от Солнца, Юпитера и Венеры. Они учили, что, когда цвет кометы — свинцовый, она [принадлежит] Сатурну и обозначает чуму и бедность. Когда же цвет огненный, то эта комета [принадлежит] Марсу и предвещает битвы и пожары. Большинство комет бывают этих двух типов. В действительности огненная и бурная сила Марса поднимает земные пары в те области, которые выше воздуха и близки сфере огня, где они воспламеняются. От комет, от [связанных с ними] знаков и планет [астрономы] получают предсказания о разных событиях в зависимости от того, делает ли голова [кометы], появившись, оборот с юга на север или наоборот. Итак, когда в декабре астрономы с Востока увидели, как в начале Стрельца поднимается комета, они решили, что это появление [обещает] благо, потому что [комета] распространяла золотые лучи, согласно природе Солнца, серебряные, согласно природе Юпитера, и смешанные, согласно природе Венеры. Возможно также, в этот момент Юпитер располагался в начале Стрельца, а по верному расчету Солнце было в

¹¹ Chalc. *Tim.* 126.

¹² Suet. VIII. 4. 5. Обращает на себя внимание градация аргументов, примененных Фичино. Как первый и наиболее существенный источник, он использует Священное Писание. Затем он переходит к труду христианского мыслителя Оригена, после чего указывает последовательно платоника Халкидия и «также» Светония. Таким образом, Фичино по нисходящей выстраивает эти тексты по важности и авторитетности.

середине знака; Венера, всегда близко расположенная к Солнцу, занимала последние градусы знака. Такова возможная конфигурация неба при Рождении Христа в декабре, если Он родился позже полуночи. В Евангелии читаем, что в то время, как пастухи по очереди охраняли [стадо] в канун Рождества, ангел сказал: «ныне родился»¹³.

Великое восхищение и большие споры вызвала у астрологов эта небесная конфигурация. По положению Юпитера, Солнца и Венеры они решили, что это [будет] справедливейший и милосерднейший царь, [которого ждет] величайшая слава. Однако [по положению] Солнца Он не мог быть очень богат. Как же он может быть великим царем и [одновременно быть] бедным? По положению Юпитера в асценденте гороскопа они посчитали это рождение очень благоприятным, однако бесплодным из-за присутствия Луны в первом лике Девы¹⁴, что с очевидностью указывало на девственницу, а не на беременную. На основе этих заключений астрологов, а также из предсказаний Валаама и других пророков, на всём Востоке распространилось мнение, что родился или был назначен царь справедливости согласно Юпитеру, царь истины согласно Солнцу, царь милости согласно Венере. Но не было известно, где Он родился.

Комета же вела их около двух месяцев, соответственно двум часам асцендента¹⁵. И хотя вроде бы склонялась к югу, к Иудее, точного места она не указывала. И ко всему, они по-прежнему не знали, расходясь во мнениях, родился ли уже Он или еще родится, ниспослан ли скорее небом или по воле Божьей. Пока спустя два года, соответственно двум месяцам, она не показалась снова, только на сей раз не вверху, а снизу воздушной сферы: признав в ней прежнюю комету, волхвы пошли за нею, и под ее водительством через сорок один день достигли Иерусалима. Они не иска-

¹³ Лк. 2:11.

¹⁴ Термином «лик» (*facies*) здесь и ниже Фичино обозначает декан — третью часть зодиакального знака в астрологии.

¹⁵ Скорее всего, здесь просто перевод протяженности знака из градусной меры в часовую ($30^\circ = 2^h$).

ли более человеческого царя, но Царя божественного. Они видели, что тип кометы и ее движение не могут быть природными. Что волхвы пришли к Ироду и возвестили ему о рождении такого великого Царя и о времени, когда оно произошло, находит подтверждение не только в Евангелии, но и у Макробия, который говорит: Когда Август узнал о том, что среди детей, убитых в Сирии Иродом, царем Иудеи, был также сын самого Ирода, он воскликнул: «Лучше быть свиньей Ирода, чем его сыном»¹⁶.

Я думаю, что эта комета, не природная, а божественная, была приведена в движение и наполнена светом архангелом Гавриилом. Именно он, который возвестил Захарии об Иоанне, предшественнике Христа, и Марии о Христе¹⁷, дал знак язычникам о Рождестве Христовом и месте, где оно произошло, а через язычников убедил и иудеев. И формой звезды известил звездочетов, светом звезды, от Солнца воспринятым, к Солнцу привел.

Звездочеты поднесли новорожденному Царю золото, которое считали солнечным, благоуханный ладан, которым указали на милость Венеры, и мирру, которой возвестили жизнь, не знающую тлена, под знаком Юпитера. В то же время эти дары были объединены и в другом таинстве. В действительности золотом они Ему помогали, потому что Он был беден; миррой укрепляли младенческое тело; ладаном наполняли ароматом хлев. Они преподнесли Ему золото как царю, ладан как священнику, мирру как Богу¹⁸.

Возможно, комета была ангелом: как ангел в человеческом обличье направлял путь Товита¹⁹, так и [этот] ангел в виде звезды указывал астрологам дорогу ко Христу. В действительности, как свидетельствует Моисей Египетский, самый ученый из ученых евреев, высочайшее познание звезд позволило Аврааму, единственному и первому в своем поколении, понять, что существует

¹⁶ Macrob. *Sat.* II. 4. 11.

¹⁷ Лк. 1:11–38.

¹⁸ Ср. Orig. *Contra Celsum* I. 60.

¹⁹ Тов. 5.

одна-единственная первопричина небес, и молиться ей истово. От Бога он обрел свет благодати и пророчество. Но вернемся к комете.

Согласно Евангелию от Луки, в то мгновение, когда наш Христос родился, ангел Господень осиял пастухов светом и объявил им великую радость, сказав: «Ныне родился Спаситель мира»²⁰. Он недаром сказал «ныне», то есть «сегодня», хотя случилось это, скорее, в полночь. В действительности в то мгновение свет кометы сделал [ночь] днем, и сбылось реченное у Давида: «И ночь светла, как день»²¹. Затем ангел, обратившись на Восток, внезапно направил комету к Персии, чтобы привести оттуда волхвов ко Христу. Сбылось реченное у Исаии: «Восстань, светись, Иерусалим, ибо пришел свет твой, и слава Господня взошла над тобою», и так далее; «и придут народы к свету твоему»²². И действительно, когда родился Господь, этот свет появился над Иерусалимом, и к нему пришли язычники волхвы. Двигаясь вначале из Иудеи на Восток, затем эта [звезда] повела волхвов за собой обратно с Востока в Иудею. То, что комета была тем же ангелом, который возвестил великую радость пастухам, мы предполагаем потому, что волхвы, вновь увидев звезду, обрадовались чрезвычайно. Я сказал «чрезвычайно», поскольку они, как и пастухи, уже раньше радовались, когда впервые увидели ее. Но в этот раз они очень обрадовались, потому что в высшей степени желанно, чтобы в своей полноте явилось благо, которое уже прежде ощущалось, и чтобы было возможно получать его вновь после того, как оно прекратилось.

Тот же ангел, который вел видимыми лучами волхвов ко Христу, затем невидимыми лучами просветил умы спящих волхвов о том, чтобы они не возвращались в Иерусалим, а затем предупредил Иосифа о [необходимости] бежать в Египет с Младенцем. Когда Христос умирал, именно ангел в форме полной Луны

²⁰ Ср. Лк. 2:8–14.

²¹ Пс. 138:12 (в католической традиции это 139 Псалом).

²² Ис. 60:1; Ис. 60:3.

сверхъестественным образом подменил Солнце Луною, и превратил день в ночь так же, как при рождении Иисуса, явившись в образе кометы, он превратил полночь в день²³. Сбылось реченное у Давида: «Как тьма, так и свет»²⁴, потому что оба были исполнены одним ангелом, и оба раза в середине — что дня, что ночи. Но каким образом ангел создал комету? Располагаясь ровно в срединной области воздуха, он сжал тысячи стадий воздуха, рассеянного вокруг него, в самом узком месте, и связал их с собой поразительной силой, как тело с душой, и отделил их от всех иных элементов. Так благодаря энергии свертывания масса молока сгущается и отделяется от воды. Но почему ангел сгустил воздух? Чтобы свет, присутствующий в воздухе, мог быть воспринят человеческим глазом. В действительности то, что слишком разрежено, остается недоступным возможностям [человеческого] взгляда. Но откуда он добыл свет, чтобы перенести его в это тело? Из света собственного интеллекта. В нем действительно находится разумный и невидимый свет, который, будучи перенесен в воздух, становится видимым. В разреженном воздухе он виден святым праведникам, в более же плотном — всем остальным.

Мы сказали, что волхвы прибыли в Иерусалим на двадцать первый день после Рождества, когда Мария, соблюдая время очищения, принесла Сына в храм. И в день, в который Симеон и Анна узнают Христа, волхвы, еще не зная Его, проповедуют о Нем в Иерусалиме. День спустя они достигают Вифлеема. По приходе (in accessu) волхвов Иосиф получает приказ бежать вместе с Младенцем, и едва ли он повез бы Его в храм после этого божественного повеления, поэтому вероятно, что волхвы приветствовали Младенца [именно] после Сретения²⁵.

²³ Ср. Лк. 23:44–45. Солнечное затмение невозможно на еврейскую Пасху, когда был распят Христос, поскольку этот праздник приурочен к полнолуннию. Поэтому Фичино объясняет «тьму по всей земле» не солнечным затмением, но чудесной «подменой» дневного светила полной луною.

²⁴ Пс. 138:12.

²⁵ Ср. Лк. 2:25–38 (Сретение) и Мф. 2:1–15 (поклонение волхвов и бегство в

Событие это [Рождество], которое, как мы сказали, по расчетам иных приурочивается к Стрельцу, с бóльшим основанием, на мой взгляд, следовало бы связать с Девой и полночью. При рождении Христа непременно должен был восходить один из двенадцати знаков, и я не знаю для рожденного от Девы знака более подходящего, нежели Дева. И особенно первый лик этого знака. Ведь у каждого знака три лика, и в первом лике Девы, по свидетельству Альбумазара²⁶, индийцы и египтяне усматривали образ юной девы, прекрасной собой, сидящей и кормящей грудью младенца. Восход этого лика идеально сочетается с младенцем, от Девы происходящим, и по правильному расчету лик этот появляется в декабре месяце в середине ночи. В этом-то лике, как считают, и воссияла комета — не причина Христа, но знамение. Ведь если бы она имела силу вызывать девственное рождение, то за многие века это случилось бы не раз. Но небесные тела не в состоянии создать Закона (*legem*), который, презревши небо, чтит бы и чаял нечто превыше неба. Словом, небесная судьба не дружит с отрицающим судьбу Законом.

Благодатен свет, который идет от Блага и проникает в каждый дух. Он позволяет двигаться ко Благу и обретать в нем покой, он делает так, что ты любишь Благо и наслаждаешься им. Каждое частное благо всегда несет в себе образ Блага самого по себе. Люди, которые не имеют любви, те, кто мучим завистью, медленно начинают опускаться во мглу, лишённую благодати света. Они ненавидят Благо и испытывают страдания от Блага.

Египет). Выше говорилось о прибытии волхвов в Иерусалим на 41-й день, что согласуется с 40-дневным периодом очищения роженицы. Скорее всего, здесь ошибка или опечатка.

²⁶ Имеется в виду Абу Машар Джафар ибн Мухаммад ибн Умар ал-Балхи (787–886) — знаменитый средневековый персидский ученый, родом из Балха (в совр. Афганистане), один из наиболее значительных теоретиков астрологии. К этому месту из его главного труда (*Intr.* VI. 1–2) Фичино снова обращается, напр., в своем трактате *De Vita* (III. 18). В Европе Абу Машара знали по переводам Германа Каринтийского (ок. 1100–ок. 1160) и Иоанна Севильского (fl. 1135–1153).

Книга о Солнце Марсилио Фичино
к великодушному Пьеро де' Медичи²⁷

Введение

Под твоим покровительством, великодушный Пьеро, ежедневно продолжаю [работать] над новой интерпретацией Платона²⁸, уже давно мною начатой, и, как ты об этом знаешь, я толкую [его] с более частыми разделениями фрагментов и более длинными изложениями, когда дело того требует. Достигнув ныне того таинственного места из Платона, где Солнце с величайшим искусством сопоставляется с самим Богом²⁹, мне захотелось прояснить этот столь важный вопрос более подробно прежде всего потому, что наш Дионисий Ареопагит, первый среди платоников, чью интерпретацию я держу [сейчас] в руках, охотно принимает подобное сравнение Солнца с Богом³⁰. После того как я провел многие бессонные ночи, работая под этим Солнцем, как если бы оно было моим светильником, я подумал отделить от общей работы этот высочайший вопрос и посвятить ему особое изложение; и отправить, как аполлонов дар, эту загадку, связанную с Солнцем, тебе, воспитаннику Феба, предводителя Муз, и покровителю Муз, тебе, которому посвящена вся эта новая интерпретация Платона,

²⁷ Пьеро Медичи (1472–1503) — сын Лоренцо Медичи, фактический правитель Флоренции с 1492 года. В 1494 году был изгнан из города, после чего во Флоренции воцарился республиканский режим.

²⁸ Марсилио Фичино закончил перевод *Платоновского корпуса* еще в 1468 году, но издал свой труд лишь 16 лет спустя. Незадолго до смерти, уже в 1490-е гг., он взялся расширить комментарии на отдельные диалоги Платона. Видимо, об этой работе он и сообщает своему покровителю.

²⁹ Plato. *Resp.* 508a–509b.

³⁰ Несмотря на то, что к этому времени существовали общепризнанные переводы Псевдо-Дионисия Ареопагита в исполнении Иоанна Скота Эриугены и Амвросия Траверсари, Фичино решил самостоятельно перевести некоторые его сочинения. Итогом стали переводы «Мистического богословия» и «О божественных именах». Именно к трактату «О божественных именах» и отсылает здесь Фичино (De div. nom. IV. 1).

чтобы благодаря этому свету, словно при свете Луны, ты, подобный Солнцу рядом с Луной, мог заранее судить о том, каким будет труд о Платоне. И если ты когда-либо любил моего Платона, который уже давно [принадлежит] тебе, теперь ты, просвещенный этим светом, можешь полюбить его еще сильнее и, полюбив его, принять всем умом своим.

Глава I

Слово Марсилио Фичино к читателю: это больше аллегорическая и анагогическая книга, нежели догматическая

Несомненно от Бога, великодушный Пьеро, [исходит] предписание Пифагора не говорить о божественных вещах и тайнах в отсутствие света³¹. Подобными словами сей мудрец, как мне кажется, хотел сказать, что нам не следует стремиться [проникнуть] в божественные дела, если только не тогда, когда свыше сам свет Божий становится видимым для вдохновлённых умов. Но вдобавок он, думается, предостерегает нас, чтобы мы не пытались воспринимать и выражать скрытый божественный свет, если только не через сравнение с видимым светом. Итак, я по мере своих сил буду сближать эти два [вида света] не столько [при помощи] доказательств, сколько благодаря некоторому сходству, явленному из света.

Пока же ты, любезнейший читатель (само небо хочет, чтобы ты был снисходителен [ко мне]), помня об аполлоновом и, так сказать, поэтическом обещании перед ликом Солнца, не требуй от меня суждений более глубоких и догматических, как говорят греки. Я обещал только аллегорическое и анагогическое занятие для ума при поручительстве Феба, которому принадлежат такие дела. Музы же не спорят с Аполлоном, а только поют. Сам Меркурий, первый мастер диспутов, с Аполлоном [лишь] шутит, если только не обсуждает сложные [вопросы] с Сатурном и Юпитером. Но

³¹ Ср. у Ямвлиха: μή λέγειν ἄνευ φωτός (*De vita Pyth.* 18.84, 23.105), περί Πυθαγορείων ἄνευ φωτός μή λάλει (*Protrept.* 107.12).

шутит он не доступным [людям], а божественным образом; что же касается нас, то мы бы тоже могли шутить не по-ребячески. Но пришло время вынести на свет — если только само Благо, то есть великий Бог, счастливо вдохновит меня, — мои предварительные рассуждения о свете, какими бы они ни были.

Глава II

Каким образом свет Солнца подобен

Благу самому по себе, то есть Богу

Ничто более, чем свет, не напоминает природу Блага. Во-первых, потому что среди чувственных вещей свет кажется самой чистой и возвышенной. Во-вторых, потому что он распространяется мгновенно и широко, проще всего остального. В-третьих, потому что он сочетается со всеми [вещами], не причиняя никакого вреда, и всюду проникает легко и нежно. В-четвертых, потому что он несет с собой живительное тепло, которое питает, рождает и движет. В-пятых, потому что он хотя и присутствует рядом с каждой вещью и внутри [нее], ничем не пропитывается и ни с чем не смешивается. Таким же образом Благо само по себе стоит выше всего порядка вещей, широко распространяется, всё ласкает и привлекает к себе. Оно ничего не подавляет, всегда и повсюду сопровождается любовью, словно [свет] теплом; ею всё насыщено, через нее Благо принимает [всё]. Всюду [оно] присутствует внутри каждой вещи, хотя и не связано ни с одной. Наконец, Благо само по себе не может быть познано и выражено, и то же самое со светом. Ведь ни один философ до сих пор не может дать ему определения: хотя нет ничего более светлого, нежели свет, ничто не кажется более туманным. Точно так же Благо — самая известная и одновременно самая неизвестная из всех [вещей]. Поэтому Ямвлих, платоник, добавляет к последнему, что светом называется акт или видимый образ божественного интеллекта³². Как луч, берущий начало во взгляде, есть образ самого взгляда, так же, воз-

³² Ср. Iambli. *De myst.* I. 9.

можно, и свет есть взгляд небесной души или акт самого видения, обращенный к внешнему, который действует на расстоянии, не оставляя неба, но всегда оставаясь связанным с самим собой. [Свет] не смешивается с внешними вещами, но действует через видение и делает видимыми те вещи, с которыми соприкасается. По крайней мере мы обычно говорим о свете как о следе жизни мира, который является глазу согласно некоторой пропорции; или как о виде живительного духа между душой и телом мира. Но об этом я уже достаточно сказал в моем «Богословии»³³.

По какой же причине нужно столь долго заниматься исследованием [расположенных] выше неба многих ангельских умов, подобных разным видам света, их порядку и их отношениям, как взаимным, так и с Богом, Отцом света? Посмотри на небо, прошу тебя, гражданин небесной родины: это небо, созданное Богом, настолько упорядоченно и видимо, что всё становится ясно. Ведь когда взираешь на небесные тела, они сразу же, через посредничество исходящих от звезд лучей, которые подобны знакам и выражению глаз, «проповедуют славу Божию, и о делах рук Его вещают твердь»³⁴. Но прежде всего именно Солнце может обозначать Бога. Солнце будет тебе давать знаки. «Кто Солнце посмел бы лживым назвать?»³⁵. Так, наконец, невидимые божественные интеллекты, то есть ангельские умы, становятся видимыми посредством звезд, а посредством Солнца [видимыми] становятся вечное могущество и божественность Господа.

Глава III

Солнце освещает небеса, управляет и руководит ими

Солнце, как видимый господин неба, управляет и руководит всеми небесными телами. Не буду упоминать о его удивительной

³³ Имеется в виду основной труд Фичино «Платоновское богословие о бессмертии душ», над которым он работал 6 лет — с 1468 по 1474 год. По замыслу Фичино, «Богословие» должно было служить своеобразным введением к изданию *Платоновского корпуса*.

³⁴ Пс. 18:2.

³⁵ Verg. *Georg.* I. 463–464 (пер. С. Шервинского).

величине, которая, как считается, вмещает в себя сто шестьдесят шесть размеров Земли. Во-первых, [Солнце] дарует свет всем звездам — как тем, которые, по мнению некоторых, имеют малый собственный свет, как и тем, которые, по мнению большинства, не имеют его вовсе. Во-вторых, считается, и это видно по внешним проявлениям, что самым живым из всех двенадцати знаков [Зодиака] является тот, который в данный момент усиливается Солнцем, о чем говорят Хали³⁶ и Авраам³⁷. И вот, два знака Солнце наполняет удвоенной энергией, так что арабы называют их местами, ведомыми Солнцем, иначе царскими престолами³⁸. Когда планеты располагаются в них и при этом избегают опаления³⁹, они обладают поразительной энергией, особенно если в этой области зодиакального круга высшие планеты восходят прежде Солнца, а низшие — вслед за ним⁴⁰. Знак, в котором Солнце царствует, то есть Овен, именно по этой причине считается первым среди знаков и обозначает голову⁴¹ всякого живого

³⁶ Абу-л-Хасан Али ибн Ридван (ок. 998–ок. 1061) — выдающийся египетский врач и астролог, в Европе во времена Фичино известный как Авенродан или Хали.

³⁷ Авраам Ибн Эзра (1089–1167) — знаменитый еврейский ученый родом из Андалусии (мусульманской Испании), философ, лингвист, астроном и математик. В латинской традиции его называли Авеназрой, Абенезрой и т.д.

³⁸ Имеются в виду «жилище» Солнца и место его «экзальтации», то есть знаки Льва и Овна.

³⁹ Incendium у Фичино, привычнее термин combustio. Речь идет о разработке понятия «конъюнкции» планеты с Солнцем: «опаленная» планета воспринималась обычно как ослабленная (касалось действия как благотворных, так и зловещих планет), однако предельная форма «опаления» — «сердцевинное» соединение *cazimí* (греч. ἑγκάρδιος, араб. почти калька كَضْمِيمِ *kašmimi*) — чаще всего толковалась как усиление. Дискуссия о масштабах (в градусах и минутах отстояния от Солнца) «опаления» и *cazimí*, как и о качестве того и другого (ослаблении либо усилении попадающей «под лучи Солнца» планеты) не затихает по сей день.

⁴⁰ «Высшие» (*superiores*) планеты — Марс, Юпитер, Сатурн («выше» орбиты Солнца в геоцентрической системе мира), «низшие» (*inferiores*) — Венера, Меркурий, Луна.

⁴¹ Согласно астрологической традиции, отдельные части человеческого тела зависят от соответствующих знаков Зодиака. Самое яркое доказательство бы-

существа. А знак, служащий жилищем для Солнца, то есть Лев, есть сердце знаков и управляет сердцами всех живых существ. Когда Солнце входит во Льва, оно, подобно змеиному яду, уменьшает эпидемии во многих землях. Впрочем, судьба каждого года во всём мире всегда зависит от входа Солнца в [знак] Овна⁴². И от этого зависит также природа весны. Входом Солнца в [знак] Рака определяется качество лета, входом в Весы — природа осени, а в Козерога — качество зимы. Они проявляются тогда, когда показываются небесные тела, ведь время зависит от движения.

Посредством четырех движущихся знаков Солнце осуществляет смену четырех времен года. Таким же образом из года в год к каждому [человеку] возвращается его судьба при возвращении Солнца в градус и минуту рождения каждого [человека]. К тому прибавим, что движение Солнца, первого среди планет и их главы, по словам Аристотеля, [является] простейшим, так как Солнце никогда не удаляется от центра Зодиака и, в отличие от других [планет], не меняет направления движения⁴³.

Глава IV

Положение планет по отношению к Солнцу

Кажется также, что именно Солнце во всём небе определяет конкретные пространства, и планеты, пересекая их, меняют свое движение и местоположение. В действительности, когда Сатурн, Юпитер и Марс достигают Солнца, образуя треугольник после того, как пересекли треть неба, они сразу же меняют направление и движутся вперед или назад. Если они находятся к востоку от Солнца, они движутся назад, если к западу — вперед. Венера и

тования этой традиции в средневековой Европе — знаменитая миниатюра из «Великолепного часослова герцога Беррийского».

⁴² В знак Овна (не путать с созвездием!) Солнце вступает в весеннее равноденствие (условно 21 марта), начиная с этого момента свой годовой путь по тропическому зодиаку.

⁴³ «Попытное» (с геоцентрической точки зрения) движение чуждо также Луне, ср. ниже, гл. IV.

Меркурий передвигаются по более коротким орбитам, что определяется их близостью к Солнцу или отдаленностью от него. Венера в действительности не может отдалиться от Солнца более, чем на сорок девять градусов; Меркурий — более, чем на двадцать восемь. Луна меняет свою конфигурацию и природу в каждом сочетании с Солнцем и подобно Солнцу четырем своим фазам представляет четыре времени года. Каждый раз, когда Луна соединяется с Солнцем, посредством градуса, в котором обнаруживается конъюнкция, по конфигурации неба можно определить природу будущего месяца.

Поэтому все планеты, едва достигнув сердца Солнца⁴⁴, управляют другими [планетами] в течение всей конъюнкции, какой бы короткой она ни была. Но оказавшись в ином положении относительно Солнца, они возвращаются в обычное состояние. Считается, что когда Сатурн приближается к Солнцу, он теряет прежнюю суровость, а Марс — присущую ему свирепость. Когда Солнце приближается к высшим планетам, они начинают восходить; когда Солнце отдаляется от них, они опускаются. Когда они в соединении с Солнцем, они оказываются в высшей точке эпицикла; в оппозиции [к нему] — в низшей точке; в квадратуре — на средней высоте⁴⁵. В двух первых случаях Луна находится в высшей точке; в квадратуре же она начинает опускаться. Если Венера и Меркурий соединяются с Солнцем при прямом движении, они находятся в высшей точке; если же, когда они соединяются, происходит обратное движение, они находятся в низшей точке. И не дозволено планетам достигать окружности их эпицикла прежде, чем они вновь встретятся в конъюнкции с Солнцем, которое подобно их господину.

Из того, что мы сказали, понятно, что, когда после [образования] треугольника с Солнцем высшие планеты меняют свое движение, они отдают должное царственному облику Солнца. Со-

⁴⁴ Ср. прим. 35.

⁴⁵ Соединение (конъюнкция), оппозиция и квадратура — зд. астрологические аспекты: 0°, 180° и 90° соответственно.

единенные с Солнцем, они располагаются в высшей точке и движутся прямо, ибо находятся в согласии со своим господином. Напротив, когда они, будучи в оппозиции, противостоят ему, они располагаются в низшей точке и движутся в обратном направлении. Когда Венера и Меркурий соединяются с Солнцем при прямом движении, то есть подчиняясь своему господину, они восходят к высшей точке; если же они [располагаются] под наклоном [к Солнцу], как непокорные, они опускаются вниз. То, что Луна, напротив, находится в высшей [точке], будучи противоположной Солнцу, не должно нас удивлять. Что же есть свет Луны как не свет Солнца, отраженный отовсюду лунным зеркалом? И в полнолуние [лунный свет] отражается напрямую в Солнце. В квадратуре мы видим нисходящую Луну, поскольку в это время ее господин грозно взирает [на нее]. Ни Солнце, ни Луна не движутся назад, поскольку скорость эпицикла предотвращает обращение назад. Наконец, когда Луна устремляется к северу, образуя огромную голову Дракона, в этом месте благодаря солнечной энергии она увеличивает силу знаков; когда же [спускается] к югу, то уменьшает [силу знаков], оборачиваясь хвостом [Дракона]⁴⁶.

Все планеты, в зависимости от того, располагаются ли они к востоку или к западу от Солнца, в обоих случаях меняют [свое] состояние и нарицание. Все [планеты] опасаются солнечной дороги, называемой эклиптической, но низшие планеты и женские, в особенности Луна и Венера, — больше остальных, потому что они в наибольшей степени отклоняются в сторону. Считается, что все [планеты], находятся ли они на эклиптической или, наоборот, отдалены от нее, направляясь вновь к северу или югу, всё же меняют состояние. Луна, госпожа рождения, не получает никакого иного видимого света, кроме света Солнца, а при совершенной конъюнкции с Солнцем получает силы от всех небесных тел так, как

⁴⁶ «Головой и хвостом Дракона» обозначаются лунные узлы — точки пересечения лунной орбиты с эклиптической: восходящий северный (*caput Draconis*) и нисходящий южный (*cauda Draconis*).

будто, по словам Прокла, все [эти силы] находятся в Солнце; и подобные силы [затем] передает нам.

Глава V

*Энергия Солнца в рождении, во временах [года],
в момент появления на свет и во всём остальном*

Наконец, в вопросе о рождении каждого человека положение Луны определяет хозяина генитур и момент зачатия. И соединение (или оппозиция) Луны и Солнца, предшествующее рождению, показывает истину и участь рождения. В фигуре, соответствующей этому моменту, та часть неба, в которую попадает доля Фортуны, именовалась древними демоном рождения и, как считали египтяне, обозначала ход всей жизни или даже управляла им. В действительности доля Фортуны высчитывается по расстоянию между Солнцем и Луной, к чему прибавляется градус восходящего [знака]⁴⁷.

Посему движения всех планет астрономы находят и вычисляют по наперед определенному движению Солнца. И Солнце, благодаря своему движению, различает ночи и дни, часы, месяцы и годы. Посредством своего света и тепла [оно] творит, дарует жизнь, движет, воссоздает, наполняет радостью и согревает каждую вещь; делает видимым то, что было прежде скрыто; своим движением меняет четыре времени года; те области, которые удалены от Солнца, равным образом отдалены от жизни. Весна — это лучшее время года, потому что она начинается в знаке Овна, в царство Солнца; а осень — худшее, потому что она начинается в знаке Весов, при упадке Солнца⁴⁸. Наконец, рождение днем

⁴⁷ Речь идет о вычислении одной из ключевых точек гороскопа (греч. κλήρος «жребий»): к долготе асцендента (восходящего знака на пересечении эклиптики и горизонта) — в градусах от начального 0° Овна — прибавляли разницу между долготами Солнца и Луны.

⁴⁸ Овен, как уже упоминалось, — знак подъёма или экзальтации (exaltatio, у Фичино regnum, греч. ὑψώμα) Солнца, Весы — знак его упадка или падения (casus, греч. ταπεινώμα).

обыкновенно считается более удачным, чем ночью, поскольку за первое отвечает Солнце, а за второе Луна, лишь зеркало Солнца.

Астрологи разделяют карту неба при рождении на двенадцать частей. Девятую [часть] они определяют для Солнца, а третью — для Луны. Они называют Солнце Богом, а Луну — Богиней, и полагают, что они указывают на величайшие блага: мудрость, веру, религию и вечную славу. Солнце попросту обозначает всё это, а также любую правду, пророчество и власть. К этому следует добавить, что, когда Солнце восходит к середине неба, оно чудесным образом питает нас живительным и животворящим духом. Когда же [Солнце] нисходит, оба этих духа ослабевают. Поэтому, когда Давид, труба всемогущего Бога, поднимается на рассвете, чтобы сыграть на цитре и спеть стихи, и восклицает: «Напрасно вы рано встаете»⁴⁹, [он тем самым] утверждает, что Солнце, восходя, несет с собой для нас всё добро и чудесным образом призывает наши пробужденные и освещенные души к Высшему.

Опущу тот факт, что, как говорят предсказатели, при восхождении Солнце с легкостью сообщает предсказание спящим. То же самое и Луна, супруга Солнца, или, как ее назвал Аристотель, малое Солнце: восходя, она усиливает дух и естественную влагу, которые ослабевают, когда она нисходит. И она приносит всему тем больше пользы, чем богаче она сама солнечным светом. Опущу сейчас, каким образом следует наблюдать за Луной, когда она не лишена света под Солнцем (*ad Solis aspectum*), в том или ином знаке, что означает та или иная часть тела, и как из Солнца через Луну следует извлекать силы всех небесных тел для исцеления членов тела лекарствами, по правилам составленными в данное время. В действительности я уже достаточно говорил об этом в книге о жизни⁵⁰.

⁴⁹ Пс. 126:2.

⁵⁰ Имеется в виду медицинский трактат Марсилио Фичино «Три книги о жизни» (1489), ср. особ. III. vi (Ficinus 1576: I. 537–540).

Глава VI

Восхваление Солнца древними;

и каким образом силы небесных тел

все находятся в Солнце и из Солнца происходят

Поэтому Орфей назвал Аполлона живительным оком неба. Из Орфических гимнов собрано всё, о чем я сейчас вкратце скажу. Солнце — вечное око, которое всё видит; высочайший небесный свет, который упорядочивает всё на небе и на земле, который движет миром и ведет [мир] по всему его гармоническому пути. Господин мира, бессмертный Юпитер, око мира, которое бежит по кругу, которое владеет печатью и дарует форму всему в мире. Луна беременна звездами, Луна — царица звезд. Так говорит Орфей⁵¹. Вот какую золотую надпись можно прочесть у египтян на храме Минервы: Я есмь всё, что есть, будет и было. Никто не приоткрыл моего покрова. Плод, который я породила, есть Солнце. Это означает, что Солнце — порождение (partus), цветок и плод Минервы, то есть божественного интеллекта⁵². Древние теологи, согласно свидетельству Прокла, говорили, что справедливость, госпожа всего, распространяется от престола Солнца через всё, и всем управляет, как будто она есть Солнце, которое взирает на всё. Ямвлих так передает мнение египтян: Всё, что имеем доброго, имеем от Солнца, именно от него одного. И если что-то происходит также от других небесных тел, то и это происходит от Солнца, или от Солнца через другие планеты⁵³. Но Солнце есть господин всех простейших сил, а Луна — госпожа рождения через силу Солнца. Поэтому Альбумазар говорит, что жизнь разлита во всё через Солнце и Луну⁵⁴.

⁵¹ Ср. ἀστράρχη о Селене (Orph. IX. 10) и о Зевсе — κόσμου τὸ περιδρομὸν ὄμμα (Orph. VIII. 14).

⁵² Ср. Plut. *De Isid.* 9. 354c, но у Плутарха Саисская надпись заканчивается на «покрове»: ἐγὼ εἶμι πάν τὸ γεγόνος καὶ ὄν καὶ ἐσόμενον καὶ τὸν ἐμὸν πέπλον οὐδεὶς πῶ θνητὸς ἀλεκάλυψεν.

⁵³ Ср. Iambli. *De myst.* VII. 3.

⁵⁴ Абу Машар. *Intr.* IV. I.

Моисей считает, что Солнце — господин дневных небесных тел, а в течение ночи господство переходит к Луне, ночному Солнцу⁵⁵. Все, правда, по разным причинам, помещают Солнце в центре как господина мира. Халдеи помещали его в середине планет, египтяне — между двух пятеричных групп, то есть между пятью планетами, [расположенными] над [Солнцем], и Луной и четырьмя элементами, [расположенными] под [Солнцем]. Считается, что Провидение расположило Солнце ближе к Земле, чем к небесам, таким образом, чтобы воздушная и водная влажность Луны и твердая материя Земли были пропитаны его горячим духом и его огнем. По другому представлению, о его срединном положении свидетельствует само благоприятное состояние планет, которое требует, чтобы по отношению к Солнцу они располагались так: Сатурн, Юпитер и Марс восходят прежде Солнца, а Венера, Меркурий и Луна — после. Своим движением они словно сопровождают короля, [находящегося] в середине. И они окажутся более слабыми, если будут двигаться по-другому. И среди них более сильными считаются те, которым господин Солнце приказывает двигаться впереди. Но вернемся к древним.

Древние физики называли Солнце сердцем неба. Гераклит говорил о нем как об источнике небесного света⁵⁶. Большинство платоников помещало в Солнце душу мира, которая, заполняя всю сферу Солнца, посредством этого как будто огненного шара, как сердца, и затем посредством других небесных тел, распределяющих жизнь, чувство и движение по всей Вселенной, распространяет лучи так, словно они суть духи. Возможно, по этой причине большинство астрологов считает, что Бог, от которого одного наделяемся мы разумной душой, посылает ее только под влиянием Солнца, то есть на четвертый месяц после зачатия⁵⁷. Впрочем, им видней.

⁵⁵ Отсылка к Моисею Маймониду (1135 или 1138–1204).

⁵⁶ Macrob. *Comm.* I. 20. 3. Fr. 99 DK (= 60 Marcovich).

⁵⁷ Первые три месяца зародыша связывались с Сатурном, Юпитером и Марсом.

Несомненно, что Меркурий, обозначающий подвижность нашего ума, меньше всех отходит в своем движении от Солнца. Даже Сатурн, обозначающий состояние ума обособленного, в наименьшей степени отклоняется от эклиптики. Далее, Юпитер и Марс, поскольку они в гармонии с аполлоновским Львом, первый посредством своего Стрельца, второй благодаря Овну⁵⁸, наделены особым весом: Юпитер обозначает религиозную справедливость, гражданские законы и благополучие, а Марс — великодушные, силу и победу. Луну, Венеру и Меркурия именуют спутниками Солнца: Луну — за частые соития или свидания (*coitum vel aspectum*) с Солнцем⁵⁹; Венеру и Меркурия, помимо их близости [к Солнцу], — за их движение вровень с Солнцем. Именно по этой причине они приняли власть над всеобщим порождением. Так, Луна, которая весьма влажна, набравшись живительного тепла в соитии и сочетании с Солнцем, напитывает далее живительной и теплой влагой вещи, ждущие рождения в подлунной сфере. А Меркурий смешивает эти два начала, и все части, в вещах нарождающихся согласно музыкальной (*numerosa*) пропорции. Венера же придает этим смесям прекрасные формы, красоту и очарование. Солнце раздает свет, который содержит в себе, по разным звездам, друг от друга обличьем отличных, и так разносит повсюду всевидным (*omniformi*) светом всевидные силы. Отсюда можно предположить, что в Солнце столько же [разных] сил, сколько есть звезд на небе.

Глава VII

Расположение знаков и планет относительно Солнца и Луны

То, что Солнце есть господин, а Луна, как сестра и жена Солнца, есть госпожа небесных тел, становится понятным из расположения знаков Зодиака. Лев и Рак, которые суть жилища (*sedes*),

⁵⁸ Стрелец — жилище Юпитера, Овен — Марса. Наряду со Львом, Стрелец и Овен входят в триаду огненных знаков.

⁵⁹ Луна быстрее других планет обегает свою орбиту, поэтому чаще других находится в том или ином «аспекте» с Солнцем, начиная с конъюнкции.

соответственно, Солнца и Луны, сопредельны. То же самое с Овном и Тельцом: в первом возвышение (*regnum*) Солнца, во втором — Луны⁶⁰. Вот и прочие планеты водворяются как бы между господином и госпожой, оставляя тех в центре. Так, Меркурию достается, с одной стороны, Дева, смежная со Львом, с другой — Близнецы, смежные с Раком. Венера правит, с одной стороны, Весами, с другой — Тельцом; Марс — Скорпионом и Овном; Юпитер — Стрельцом и Рыбами; Сатурн — Козерогом и Водолеем.

Однажды, когда я таким образом расположил планеты относительно Солнца и Луны, мой друг Биндаччо Риказоли⁶¹, человек глубоких познаний, возразил мне: «Неужели, Марсилио, ты не видишь, что те же самые дома, только в обратном порядке, с обеих сторон находятся в тех же градусах относительно домов Сатурна?» На это я ответил: «Я вижу, что такое подобает в первую очередь Солнцу, но в то же время происходит и с высочайшим Сатурном. Но отчего ты удивляешься тому, что Сатурну выпала такая честь, ведь он меньше остальных отклоняется от эклиптики — царского пути Солнца?»⁶² Но вернемся к нашему предмету.

Таким образом, пять планет имеют по два дома: один как бы следует позади Солнца, а другой оборачивается к Луне. Первые называют западными относительно Солнца; вторых — восточными относительно Луны. Но Солнце и Луна присваивают себе весь Зодиак: действительно, область Солнца охватывает Льва, Деву, Весы, Скорпиона, Стрельца и Козерога; а [область] Луны [включает в себя] Водолея, Рыб, Овна, Тельца, Близнецов и Рака. Возможно, поэтому Рака называют вратами людей, ведь с него Солнце

⁶⁰ Здесь и далее Фичино следует теории планетных «жилищ» по Птолемею, *Tetr.* I. 18. Отметим, что у всех планет, кроме Солнца и Луны, — по два «жилища» (плюс знак экзальтации).

⁶¹ Биндаччо Риказоли (1444–1524) — близкий друг и последователь Марсилио Фичино.

⁶² Сатурн минимально отклоняется от эклиптики в силу минимального *наклонения* своей орбиты. На самом деле, наклонение орбиты Юпитера ещё меньше, однако Фичино хочет подчеркнуть контраст самой *дальней* от Солнца планеты (на взгляд наблюдателя его времени) и *минимального* отклонения этой планеты от *via regia* Солнца.

начинает, видимо, опускаться; Козерога же — вратами богов, поскольку с него Солнце, видимо, начинает свое неожиданное восхождение⁶³. Но об этом мы уже говорили в другом месте. В действительности эти два знака, а также Овен и Весы, удостоились того, чтобы именоваться осями (cardines) неба, так как в них Солнце устанавливает смену времен года, а пересекая Овна и Весы, оно проходит посередине между восхождением и нисхождением. Поэтому полукруг, образуемый между Овном и Весами, египтяне называли кругом Минервы, то есть кругом мудрости и справедливости.

Такой удивительный порядок небесных тел доказывает, что мир создан не случайно, но по Провидению. И отношение всех явлений к Солнцу доказывает, что оно есть управитель (moderator) всех вещей, и что ангельские умы и все небесные тела подчиняются высшему Единому, которое выше неба, и что ему гораздо больше должны подчиняться наши души.

Глава VIII

Когда планеты находятся в гармонии с Солнцем и Луной, они благотворны; и наоборот, если они не в гармонии.

И каким образом они приветствуют Солнце и Луну

Птолемей считал Солнце и Луну подателями жизни: Луна [отвечает] за рост и жизнеспособность, а Солнце — за чувства⁶⁴. Впрочем, и Юпитер с Венерой благоприятны для жизни, потому что они гармонично сочетаются с Солнцем и Луной: Юпитер более всего с Солнцем и частично — с Луной; с Венерой же происходит прямо противоположное. Сатурн и Марс, напротив, настолько противны жизни потому, что они расходятся с Солнцем и Луной: Сатурн скорее с Солнцем, а Марс — с Луной. Юпитер наиболее живителен из всех [планет], поскольку в случае, когда

⁶³ Речь идет о солнцестояниях, летнем (0° Рака) и зимнем (0° Козерога). Ср. «Пещеру нимф» Порфирия.

⁶⁴ Ср. Ptol. *Tetr.* III. 11.

свет Солнца и Луны соединяются наилучшим образом, Юпитер получает силу как от первого, так и от второй.

Нельзя также пройти мимо того, что планеты, когда смотрят, словно в приветствии, прямо на Солнце и Луну, тотчас наливаются новой силой, которую арабы называют *альмугея*⁶⁵; то есть когда, следуя за Солнцем, [планеты] отстоят от Солнца на столько же градусов, насколько их дом отстоит от дома Солнца; или же когда, опережая Луну, они приближаются к ней на то же расстояние, на которое их дом отстоит от дома Луны. Так Сатурн будет приветствовать Солнце каждый раз, когда, оказавшись на Западе, будет находиться в шестом знаке после Солнца. Юпитер обратит взор на Солнце в пятом знаке, Марс — в четвертом, Венера — в третьем, Меркурий — во втором. Таким же образом они будут приветствовать Луну, когда, оказавшись на Востоке или находясь впереди нее, станут взирать [на нее] с тех же расстояний. Из этого вновь становится ясным согласие Юпитера и Венеры с Солнцем и Луною и, [наоборот], несогласие между последними и Сатурном и Марсом. Ведь для Юпитера дом Стрелец, и со Львом, домом Солнца, он связан совершенным тригональным аспектом. Для Венеры же [дом] — Весы, на Льва этот знак смотрит в секстильном аспекте, всё еще благоприятном. А вот Марсов Скорпион — в дисгармоничном квадратном [аспекте ко Льву]; Сатурн [с домами] в шестом [знаке от Льва] — в диссонантном, а в седьмом — и вовсе противоположном аспекте: ведь Водолей находится в оппозиции ко Льву, как и Козерог — Раку.

Похожим образом Венера располагает Тельца в шестиугольном, или секстильном, аспекте к Раку; Юпитер — Рыб в тригональ-

⁶⁵ *Almugea* — латинизация араб. термина *al-muwājahā* (المواجهة), букв. «свидание, встреча лицом к лицу», лат. *conspectus*, греч. *ἰδιόπροσωπία*. По Птолемею (*Tetr.* I. 23), «собственное лицо» планета обретает, когда находится к Солнцу и Луне в таком же точно аспекте, как и жилище этой планеты к жилищам Солнца и Луны, например Венера в секстильном аспекте к тому и другому светилу, поскольку ее жилища (Телец и Весы) связаны секстильным аспектом со Львом и Раком, жилищами Солнца и Луны; при этом планета должна находиться к западу от Солнца и к востоку от Луны (Лев лежит к западу от Рака).

ном, или трине; Марс — Овна в квадратуре; Сатурн же [Козерога либо Водолея], как мы уже сказали, в шестом и седьмом [знаке от Рака]. Вот почему Юпитер и Венера называют счастливыми, ибо они согласны с Царем и Царицей неба; а Сатурн и Марс — несчастливными, потому что они с ними не согласуются. Сатурн же более всего несчастлив, так как его расхождение с Солнцем больше, чем расхождение Марса с Луной. Из этого мы можем понять, что счастливы будут те души, которые в ладу с божественной волей, а несчастливы те, кто с ней не ладит.

Глава IX

Солнце как статуя (statua) Бога.

Сравнение Солнца с Богом

Когда наш божественный Платон рассматривал всё это с большим вниманием, он назвал Солнце видимым сыном Блага как такового. Он также считал, что Солнце есть видимая статуя Бога в этом земном храме, воздвигнутая Самим Богом ради того, чтобы на нее взирали отовсюду с величайшим изумлением. Как говорят Плотин и Платон, древние почитали Солнце как Бога. Как свидетельствуют Ямвлих, Юлиан⁶⁶ и Макробий, древние языческие теологи помещали в Солнце все языческие божества.

Наконец, тот, кто не видит, что Солнце есть образ и заместитель (vicarius) Бога в мире, без сомнения никогда не думал о ночи; или никогда не смотрел на восходящее Солнце; или никогда не размышлял о том, насколько возвышается чувство, и как быстро [Солнце] оживляет вещи, которые, будучи отдалены от него, считались бы мертвыми; и [как можно] не замечать дары Солнца, которыми оно одно совершает то, чего не могут совершить все остальные звезды, вместе взятые? Поэтому вместе с платониками и Дионисием сделай вывод, что Солнце, оно же Феб, водитель

⁶⁶ Имеется в виду император Юлиан Отступник (331–363), перу которого принадлежит гимн «К Царю Солнцу». Фичино хорошо знал это неоплатоническое произведение, как явствует из его пометок на полях знаменитой рукописи Riccardianus grecus 76.

муз или знания, есть видимый образ Бога; и что Феба, она же Луна, есть образ Феба, подобно тому как последний есть образ Бога. И, как говорит Гиппарх⁶⁷, она есть зеркало Солнца, поскольку отражает на нас тот свет, который получает от Солнца. Сейчас нет смысла обсуждать — но не пристало и обойти вниманием — это платоническое сравнение, которое я пространно описал в другом месте⁶⁸. Солнце порождает зрение и цвета и наделяет [органы] зрения силой, которая позволяет [им] видеть, а цвета — такой, которая позволяет им быть видимыми; и сочетает их в единое целое, объединяя со светом. Считается, что Бог таким же образом устанавливает связи между интеллектами и интеллигибельными явлениями. Ибо Он создал интеллигибельные явления и все интеллекты и сразу же даровал им собственные и естественные способности к обоюдному действию. Далее, Он постоянно окружает их общим [для всех] светом, при помощи которого побуждает энергии интеллигибельных [явлений] и интеллектов к акту познания и соединяет их в действии. Этот свет Платон справедливо называет истиной в отношении познаваемого и наукой в отношении умов.

Кроме того, он думал, что Благо, то есть Бог, настолько превосходит все прочие явления, насколько Солнце [выше] света, глаз и цветов. Но когда Платон говорит, что Солнце выше любой видимой сущности, он несомненно имеет в виду нетелесное Солнце, то есть божественный интеллект, который превосходит телесное Солнце. Поскольку от образа можно взойти к образцу, отчасти отказываясь от того, что хуже, отчасти добавляя то, что лучше, отними, если хочешь, у Солнца, которому Аверроэс отказал в материальности, точное количество; но оставь ему силу света — так, чтобы не было ничего, кроме света, наделенного чудесной силой, определяемой ни по установленному количеству, ни по какой-либо точной форме, но самим своим присутствием

⁶⁷ Гиппарх Никейский (ок. 190–ок. 120) — выдающийся греческий астроном, географ и математик.

⁶⁸ Ср., напр., *Theologia platonica* XVIII. 5 (Ficinus 1576: I. 405).

охватывающей пространство, недоступное для воображения. Она настолько же превышает способность к пониманию, как превосходит зрение глаз⁶⁹. Так, в меру той силы, которую ты получаешь от Солнца, ты словно достигаешь Бога, раскинувшего свой шатер в Солнце. И, наконец, поскольку нет ничего более чуждого божественному свету, чем совершенно бесформенная материя, нет ничего более отличного от солнечного света, чем земля. По этой причине тем телам, в которых земное состояние преобладает, не свойствен свет, и потому они не получают свет внутрь [себя]. Но это [происходит] не потому, что свет не способен проникнуть [в них] — ведь несмотря на то, что он не может осветить изнутри, например, шерсть или лист, он тем не менее может мгновенно проникнуть в кристалл, куда ничто иное так легко проникнуть не может.

Таким же образом божественный свет светит и в темноте души, но темнота не вмещает его. Этот [свет] также похож на Бога, который вкладывает в ангельские и блаженные души вначале знание о божественных явлениях, а затем и любовь. Конечно, Бог зажигает очищающую и преображающую любовь в нас, верующих, здесь [на Земле], прежде, чем дарует познание божественных вещей. Таким же образом Солнце повсюду освещает светлые и чистые натуры, делая их на мгновение небесными; вначале оно согревает темную и косную материю, зажигает и очищает ее с помощью света, а затем наполняет светом. А когда они становятся чисты и доступны как теплу, так и свету, оно возносит их ввысь. Поэтому Аполлон пронзил огромное туловище Пифона стрелами лучей, очистил его, освободил и поднял. Не забудем также о следующем: как мы надеемся, что Христос придет в конце времен в полноте Своей власти и сиянием Своего тела воскресит из земли человеческие тела, так же каждый год после смертной зимы мы ожидаем, что Солнце, воцарившись в Овне, тотчас вновь призо-

⁶⁹ Отсылка к Псевдо-Дионисию Ареопагиту, ср. *De div. nom.* I. 5. 593bc, II. 3–4. 640b–641c, а также *De myst. theol.* II. 1025ab: δι' ἀβλεψίας καὶ ἀγνωσίας ἰδεῖν καὶ γινῶναι τὸν ὑπὲρ θεῶν καὶ γινῶσιν и т.д.

вет к жизни и красоте семена растений, как мертвых под землей, и животных, [пребывающих] в летаргическом сне. Поэтому говорят, что Меркурий пробудил спящих кадуцеем, как Солнце [разбудило] Ахата. И похожим образом Платон описывает воскресение в книге о Государстве⁷⁰.

Глава X

*Солнце было создано вначале
и поставлено в середину неба*

Спрашивается, что из всего этого Бог создал в самом начале? Моисей⁷¹ отвечает: свет. Действительно, из божественного или, скорее, интеллигибельного света непосредственно проистекает тот свет, который по сравнению со всеми остальными вещами более всего похож на Бога. Интеллигибельный свет — в мире, который находится превыше тел; это чистейший интеллект. Чувственный свет — в телесном мире; это свет самого Солнца. Но свет на первой ступени, как в первый день Творения, обладает свойством сиять внутри и освещать вовне. На второй же [ступени] он может своей теплой энергией укреплять сам себя и давать жизнь всему остальному. На третьей [ступени] он при помощи собственной действительности и посредством божественного устройства [может] распространяться по всему мирозданию. Наконец, на четвертой [ступени] природы и порядка, как на четвертый день [Творения], он распределяет собственное величие в мире, подобно свету божественного интеллекта, от которого происходит, и [так] отражается сам в себе. Поэтому Моисей утверждает, что в первый день был создан только свет, и лишь на четвертый день [был создан] свет, облеченный в солнечную, то есть округлую, форму. И Платон дважды повторяет в «Тимее» об устройении Солнца: в первый раз [речь идет о Солнце], которое [находится] среди [других] планет и как будто разделяет их участь, а во вто-

⁷⁰ Plato. *Resp.* 614b.

⁷¹ Зд. уже имеется в виду автор Пятикнижия.

рой раз [о Солнце], которое по воле Божьей больше других наделено дивным светом и царской властью⁷².

Большинство астрономов передает, что при начале мира Солнце на обитаемом отныне горизонте явилось в царстве своем Овне и занимало середину неба⁷³, словно твердыню и столицу, под стать царю небесных тел. И когда Моисей говорит, что день был сотворен не как утро и ночь, но наоборот, как ночь и утро, он указывает, что после полудня, когда зажглось Солнце, рожденный день уже клонился к вечеру и должен был быть дополнен следующим утром. Он, несомненно, подтвердил царскую власть Солнца, когда назначил первый день — день Солнца — днем Господа. И если Бог действительно создал мир за шесть дней, а на седьмой отдыхал, он, без всякого сомнения, дал начало Творению как раз со дня Солнца, то есть [с того дня,] когда Солнце вступило в управление миром. Но когда Он установил, что в день Сатурна нам [следует] воздерживаться от дел, он расположил Сатурн, неблагоприятный для рождения и действия, дальше остальных от Солнца. И разве создатель жизни Христос — которого, когда он умирал, Солнце оплакивало в середине неба словно пророк с покрытым лицом, — не восстал из мертвых в день и час Солнца, чтобы вернуть нам интеллигибельный свет подобно тому, как Солнце возвращает нам свет видимый?

Глава XI

Два света Солнца. Дар Аполлона. Степени света.

Солнце как образ всех божественных явлений

Рассматривая Солнце с точки зрения первого свойства его природы, которое оно получило на первой стадии Творения, когда было включено в сообщество планет, мы видим, что его первый и естественный свет не был поначалу столь мощным, каким

⁷² Plato. *Tim.* 38c–39b.

⁷³ Середина неба (*medium coeli*) — технический термин в астрономии и астрологии. Не путать с зенитом! Тема гороскопа мира часто обсуждалась древними астрологами и философами: ср., напр., Ptol. *Tetr.* III. 1.

он стал вскоре. Ведь [Солнце] превосходит другие блуждающие звезды не столько величиной, как сиянием. В самом деле, оно больше Юпитера менее чем вдвое, но по свету, возможно, превосходит его стократно. Их величина с точностью определяется при сравнении с Землей. О том, сколько раз в ней содержится Солнце, мы уже сказали в самом начале; в то же время считается, что Юпитер равен девяноста пяти размерам Земли.

Итак, этот необъятный свет, который соединяется с естественным светом Солнца, — совершенно иной и [происходит] из другого места. Родившись, все небесные тела несут с собой собственный свет; но он либо слишком слаб, либо скрыт от наших глаз и ускользает из-за своей разреженности и скудости или по какой-то иной причине. Кажется, что и Солнце несет в себе с самого начала похожий свет — [правда], чуть бóльший благодаря его величине. Но в действительности кроме этого естественного и присущему ему света, который можно назвать темным, с ним вместе по Божьей воле пребывает другой свет, совершенно явный для глаз, который есть еще более очевидный образ божественного разума и бесконечной доброты.

Как учат наши теологи, Бог даровал уму двойной свет. Первый естественным образом загорается в нем. Второй добавляется к [первому] в зависимости от заслуг и божественной благодати, одаряя [ум] дивной широтой. Итак, поскольку звезды суть образы разумов, можно предположить, что и они таким же образом получили два разных [вида] света. Как Господь удивительнейшим образом придал Солнцу этот великий свет вдобавок к первому солнечному свету, так и Солнце — заместитель Бога в этом отношении — добавляет этот второй свет к природному свету звезд. Как мы обычно говорим, что свет, который появляется на Луне, не относится к [самой] Луне, но скорее к Солнцу, и посылается нам через посредничество Луны, так мы скажем согласно с этим таинственнейшим платоническим умозаключением, что величайшее сияние, которое открывается в Солнце, происходит не от него, но от Бога, и через посредничество Солнца [распро-

страняется] на всё [живое], как и свет, явленный [нашим] глазам [относится] не к небесному шару, но к самому Богу.

И если Бог наполняет подобным сиянием солнечный шар, — который всё же есть малая частица неба, — таким образом, что только от него светозарность изливается на всякую вещь, можно без тени сомнения заключить, что малое тело Солнца получило такой несравненный дар не от себя самого, но от чего-то более высокого. И от одного только Бога зависит, чтобы блага Солнца распространялись от Солнца на всё [сущее]. Как свет в этом чувственном Солнце освещает все чувственные явления и все чувства, и дарует жизнь вещам и формам, и направляет ввысь, так и интеллигибельный свет из той же души Солнца освещает внутренние очи души, зажигает их и взывает [к себе]. Думаю, поэтому древние теологи называли Солнце Аполлоном, создателем всякой гармонии и предводителем Муз — ведь он освобождает души от беспорядка, вызванного влияниями лучей, скорее скрытыми, чем явными, гармонично упорядочивает их и в конце концов ведет к постижению интеллигибельного. И не стоит думать, что этот преизобильнейший и всепроникающий свет, лучшее из того, что было даровано миру, превосходный дар, происходит от незначительного тела Солнца; напротив, он берет начало от того же Блага, которое есть Отец света, в Котором любой свет, несомненно, превосходит нашу способность к постижению и даже любой интеллект. Однако, опускаясь к божественному или ангельскому интеллекту, он делается интеллигибельным. Когда же далее он соединяется с разумом души мира, он становится разумным и, кроме того, доступным воображению. Затем, оказываясь в небе, он становится одновременно чувственным и воспринимаемым. И, наконец, доходя до низших тел, он как будто разделяется: в некоторых случаях, в глазах одушевленных существ, он делается чувственным, а в предметах — воспринимаемым. Лишь у нескольких животных сохраняются оба [качества], [прежде всего] у тех, которые видят в темноте. Однако вернемся к ранее сказанному.

Платоники выдвигают три начала: благо само по себе, божественный интеллект, мировую душу. Свет — единственный среди всех остальных вещей — относится ко всем трем. Он [относится] к благу самому по себе, потому что чудесным образом превосходит всё, распространяются повсюду, возвышая всё, но при этом чудесным образом сохраняя собственную безупречность и чистоту. Он [относится] к божественному интеллекту, потому что всё освещает, различает и украшает. Он [относится] к мировой душе, потому что при помощи живительного тепла рождает, согревает, оживляет и приводит в движение все вещи. От трех начал мира, которые превыше неба, он нисходит к небу и повсюду под небом показывает, что они [суть] основания всего; точно так же и в небе он представляет благо само по себе Солнцем, божественный интеллект или полноту идей — небесным сводом, звездами полным, и мировую душу, как бы подвижную, — светом Луны переменчивым. Похожим образом, ниже неба он представляет первое через огонь, второй — через воздух, а третью — через воду. Наконец, как высшие звезды неизменно освещаются Солнцем, а Луна периодически получает от него солнечный свет, так и ангелы освещаются Солнцем постоянно, а души, напротив, не постоянно.

Глава XII

Сходство между Солнцем, Троицей и девятью чинами ангельскими. И о девяти божествах Солнца и девяти Музах вокруг Солнца

В мире нет ничего более похожего на божественную Троицу, чем Солнце. В действительности, в одной субстанции Солнца присутствуют три сущности, одновременно различные и соединенные. Во-первых, это естественная плодотворность, совершенно скрытая от наших чувств. Во-вторых, это свет, который исходит от этой плодотворности и всегда равен ей. В-третьих, это энергия, излучающая тепло и полностью равная первым двум. Плодотворность соотносится с Отцом; свет, подобный интеллекту, — с Сыном; а тепло представляет Духа любви.

Наши теологи окружают Троицу тремя иерархиями ангелов, каждая из которых включает в себя три чина; первый посвящен Отцу, второй — Сыну, третий — Духу. Подобным же образом и солнечную троицу [качеств] мы находим в обрамлении тройки и девятки — ведь от плодотворной природы Солнца через всё сущее распространяются три различных естественных плодотворности: первая действует в небесных природах; вторая — в простых природах стихий; третья — в смешанных природах. Более того, кроме природы вещей, от живительного солнечного тепла повсюду распространяется жизнь, которая сама по себе тройственна: первая — жизнь вегетативная, в растениях; затем — жизнь чувственная, неподвижная, в зоофитах; третья — жизнь чувствительная и развивающаяся, в наиболее совершенных животных.

Наконец, от солнечного света происходят три вида отсветов (*fulgor*), как в небе, так и под небом. Ведь свет бывает либо полностью белым, либо полностью красным, либо смешанным. Поскольку же свет совершенно подобен познанию и в нем словно заключено начало [познания], прежде всего чувственного, трем видам света по праву соответствуют три вида чувств. Красному соответствуют телесные чувства, то есть осязание и вкус; белому — те чувства, которые по большей части не телесны, то есть воображение и зрение; а смешанному — чувства посередине между телесными и нетелесными, а именно слух и обоняние.

До сих пор Солнце [рассматривалось] не только как образ, но и как причина. Но для чистого интеллекта оно лишь образ. Ведь чистый интеллект действует мгновенно, проникает вглубь, освещает, ни с чем не смешиваясь и оставаясь превыше всего. Таким же образом свет мгновенно проникает все вещи и каждую в отдельности делает видимой, оставаясь особенным (*individuum*) и разом цельным повсюду, ни с чем не смешиваясь. Вот и на закате Солнца свет ни на миг не задерживается в воздухе, но неотступно следует за своим Фебом, уходящим [за горизонт]. И раз уж здесь я, сам не знаю как, под Аполлоном оказался чуть ли не поэтом, пусть и посредственным, мне позволительно немно-

го побаснословить, а именно, сначала о верховных богах (конечно, говоря по-платонически), затем и о девятке Муз — [своих] божеств древние полагали в Солнце. Действительно, мы созерцаем либо его субстанцию, либо силы, в субстанции [же] — сущность, жизнь и интеллект, и называем сущность небом, жизнь — Реей, интеллект — Сатурном, согласно их характеру. Если же, после субстанции, сосредоточиться на силах Солнца, то плодотворность его мы назовем Юпитером и Юноной, свет — Аполлоном и Минервой, тепло — Венерой и Вакхом. Уже у древних Феб и Вакх, которые превыше прочих в Солнце господствуют, изображались вечно юными; и если бы кто научился воспринять от Солнца свет и тепло во всей их совершенной чистоте, какие они в нем самом, и приспособить под себя, себе на пользу, то приобрел бы вечную молодость, или по крайней мере смог бы прожить до ста двадцати солнечных лет.

А теперь от этих девяти божеств внутри Солнца перейдем к девяти Музам вокруг него. И что же такое эти девять Муз вокруг Феба, если не девять родов аполлонических божеств, распределенных по девяти сферам мира? Правда, [поначалу] древние признавали только восемь сфер. Но [затем] под небесным огнем они добавили чистый воздух — своего рода девятую сферу, небесную по своему качеству и движению. В каждой из сфер они разместили скрытых от глаз божественных духов, посвященных по порядку отдельным звездам, которых Прокл называет ангелами, а Ямвлих вдобавок архангелами и началами⁷⁴. Но тех из них, которые по всему преимущественно солнечные, древнейшие [авторы] называли Музами, поставленными над всеми науками, в особенности поэзией, музыкой, медициной, очищениями, оракулами и прорицаниями. Но вернемся к Солнцу.

По неразумию мы порой безмерно восхищаемся вещами самыми ничтожными только из-за их редкости, а привычным, даже [поистине] великим, по слепоте и неблагодарности давно уже

⁷⁴ Ср. Фичиновские переводы из Прокла, Ямвлиха и Псевдо-Пселла во втором томе (Ficinus 1576: II. 1908–1928; 1873–1908; 1939–1945).

перестали восхищаться. Никого не изумляет огонь — пылающий точно Солнце в небе, без примесей чистейший, в вечном движении, далеко светящий, из малого вмиг в величайшее возрастающий, всё в себя самого превращающий. Никого не изумляет, как это должно, Солнце — неизмеримо всё превосходящее, всего родитель и правитель, Солнце, печали изгоняющее, доселе неживое оживляющее, и умершее к жизни возвращающее. Поистине, когда бы дом всеильного Олимпа хотя бы раз в год отворялся, то взорам открывалось бы такое вдруг сияние, что все бы восхищались безмерно только Солнцем, и поклонялись бы смиренно Солнцу как Богу высшему, или хотя бы вряд ли сомневались в том, что нам оно от Бога послано. И ежедневно возносили бы величайшие благодарности Богу, как тайному подателю такого дара. Вот почему Ямвлих, Юлиан и платоники велят представить себе ночь, начисто лишённую света Луны и звезд (ведь и в нем тоже проявляется дар Солнца), чтобы ясней понять, кем мы будем без Солнца и насколько мы этому высшему Солнцу обязаны.

Глава XIII

Не следует поклоняться Солнцу как творцу всех вещей

Сократ, будучи на военной службе, часто простаивал в самозабвенном восторге (*attonitus*) под открытым небом, встречая восход Солнца, не сходя с места, ни разу не шелохнувшись, не моргнув, наподобие статуи, пока не приветствовал возвращение дневного светила⁷⁵. На основании этих и других подобных знаков платоники, возможно, сказали бы, что Сократ, с детства ведомый Фебовым демоном, был приучен почитать превыше всего самоё Феба, и по этой же причине оракул Аполлона признал его мудрейшим среди всех греков. Но сейчас я бы опустил всё, что можно было бы сказать о демоне Сократа, и идет ли речь скорее о гении или об ангеле. С уверенностью осмелюсь лишь утверждать, что в этом своем восторге Сократ восхищался не этим [видимым]

⁷⁵ Об этом рассказывается сразу в нескольких античных источниках: Aul. Gell. II. 1. 1–5; Plato. *Symp.* 220c–d; Diog. Laert. II. V. 23.

Солнцем, но другим, [невидимым]. Ведь если восхищает только новизна, то почему Сократ так изумлялся этому светилу, которое он видел каждый день, которого движение и все силы давно уже уразумели математика и физика? По свидетельству Платона, он называл Солнце не первым Богом, но сыном Божьим. Добавлю, что не первым сыном Божьим, но вторым и видимым.

Ведь первый сын Божий не это Солнце, видимое глазу, но другое — далеко превосходящий его разум, то есть первое, которое доступно созерцанию единственно посредством разума. И вот, Сократ, некогда разбуженный небесным Солнцем, прочувствовал и Солнце наднебесное, и со вниманием предался созерцанию его величия, и восхищался самозабвенно непостижимой добротой его Отца. Апостол Иаков называет его «Отцом светов» — светов, добавлю, больше, чем небесных, — «у которого нет изменения и ни тени перемены»⁷⁶. Он полагает, что и эти наднебесные творения по природе изменчивы, и многие небесные, без сомнения, так или иначе затмеваются, а поднебесные — и вовсе каждый день. И потому считает, что все дарования, естественно привитые уму, и всякий совершенный дар, добавленный сверх дарований естественных, снисходят не от этого Солнца и звезд небосвода, а свыше, от самого Отца светов. Используя силы интеллекта как своего рода ступеньки не только в небо, но и выше, мы поднимаемся над небесами, и там мы узнаем и любим и почитаем многие вещи высшие небес, но прежде всего мы чтим самого Создателя неба. И мы не могли бы интеллектом постигать или любить что-либо нетелесное и наднебесное, когда бы мы владели лишь небесным интеллектом. Однако, чтобы никто, чрезмерно восхитившись Солнцем, Луной и звездами, не почитал их творцами и отцами даров интеллекта, он [Иаков] благоразумно напомнил, что это Солнце — не начало вселенной. Опущу здесь те доводы, при помощи которых я в своем «Богословии» утверждаю, что начало вселенной — не тело, не душа, не интеллект, а нечто много выше, от чего Солнце небесное отличается настолько, что может

⁷⁶ Иак. 1:17.

быть названо даже не образом его, а только тенью. Зато я вкратце перечислю доводы, которые приводит здесь Иаков.

Поскольку покой — начало, правитель (rector) и конец движения — совершенной любого движения, несомненно, что Бог, начало и правитель всего, не может находиться в движении; Солнце же, напротив, постоянно движется. При этом сила первоначала непомерна и настигает своим напором всё, и нипочем нигде не может быть укрощена. Силе же Солнца, действующей через лучи, всюду препятствуют лучам препоны, она приуменьшается противодействием Луны, удерживается часто облаками, отталкивается плотностью земли, и ослабляется расстоянием. Само Солнце — лишь мельчайшая частица мира, сковано тесным пространством, влекомо из сферы [своей] и влекомо обратно. Вечно сферою высшей оно увлекается против движения собственной сферы, и спотыкается о противодействие знаков и звезд то и дело, и от аспектов злодеев (если так можно сказать) силу теряет. И наконец, первоначало вселенной воздействует всегда, повсюду и во всё. Тогда как Солнце ни мира скопищ (mundi globos) само не создает, ни в состоянии своею силой произвести такие вещи, как холодное, влажное, плотное и тому подобное. И даже если в небе есть такого рода силы, то с Солнцем они происхождением никак не связаны. И всё же, хотя Солнце настолько далеко от Творца мира, все вещи небесные очевидно возводятся к Солнцу единому, как правителю в небе и божественной мере. Из этого мы в полной мере осознаем, что всё, что в небе, ниже неба и над небом, равно возводится к единому первоначалу всего. Учитывая сказанное, почтим же это первоначало с тем же уважением, с каким небесные чтят Солнце.

Источники и литература

- Ficinus 1576 — Marsilii Ficini Florentini, insignis Philosophi Platonici, Medici, atque Theologi clarissimi, Opera, & quae hactenus extitère, & quae in lucem nunc primùm prodière omnia... in duos Tomos digesta... Basileæ: Ex officina Henricpetrina, 1576.
- Фичино 1981 — Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, о Любви / Пер. А. Горфункеля, В. Мажуги, И. Черняка // Эстетика Возрождения / Сост. В.П. Шестаков. М.: Искусство, 1981. Т. 1. С. 144–241.
- Фичино 2004 — Фичино М. Избранные письма / Пер. О.Ф. Кудрявцева // Гуманистическая мысль итальянского Возрождения. М.: Наука, 2004. С. 253–270.
- Абу Машар. *Intr.* — *Abū Mašar al-Balḥī [Albumasar]. Kitāb al-madḥal al-kabīr ilā ‘ilm aḥkām al-nuḡūm: Liber introductorii maioris ad scientiam judiciorum astrorum* / Éd. par Richard Lemay. 9 vols. Napoli: Istituto universitario Orientale, 1995–1996.
- Aul. Gell. — *Авл Геллий. Аттические ночи. В 2-х т.* / Пер. с латинского под общей ред. А.Я. Тыжова. СПб.: Гуманитарная Академия, 2007–2008.
- Chalc. *Tim.* — *Timaeus a Calcidio translatus commentarioque instructus* / Ed. by J.H. Waszink // *Corpus Platonicum Medii Aevi: Plato latinus. Vol. 4* / Ed. by Raymond Klibansky. London: Warburg Institute, 1962.
- Diog. Laert. — *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов* / Пер. М.Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986.
- Iambl. *De myst.* — *Ямвлих. О египетских мистериях* / Пер. с древнегреческого, комм. и предисловие И.Ю. Мельниковой. М.: Алетейя, 2004.
- Macrob. *Comm.* — *Macrobio. Commento al sogno di Scipione* / A cura di M. Neri. Milano: Vompiani, 2007.
- Macrob. *Sat.* — *Макробий. Сагурналии* / Пер. В.Т. Звиревича. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 2009.
- Orig. *Contra Celsum.* — *Ориген. Против Цельса* // Ориген. О началах. Против Цельса. СПб.: Bibliopolis, 2008.
- Orph. — *Inni orfici* / A cura di G. Faggin. Roma: Edizioni Asram Vidya, 2001.
- Plato. *Resp.* — *Платон. Государство* / Пер. А.Н. Егунова // Платон. Сочинения в четырех томах. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета; Издательство Олега Абышко, 2007. С. 79–493.
- Plato. *Symp.* — *Платон. Пир* / Пер. С.К. Апта // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 2 / Под ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета; Издательство Олега Абышко, 2007. С. 97–160.

- Plato. *Tim.* — Платон. Тимей / Пер. С.С. Аверинцева // Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Под ред. А.Ф. Loseva и В.Ф. Asmus. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Университета; Издательство Олега Абышко, 2007. Т. 3. С. 495–587.
- Plut. *De Isid.* — Плутарх. Исида и Осирис / Пер. С.И. Еремеева. Киев: Уцимм-Пресс, 1996.
- Ptol. *Tetr.* — *Claudio Tolomeo. Le previsioni astrologiche (Tetrabiblos)* / A cura di S. Feraboli. Milano: Arnoldo Mondadori editore, 1985.
- Suet. — Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Под ред. М.Л. Гаспарова и Е.М. Штаермана. М.: Наука, 1964.
- Кудрявцев 2008 — Кудрявцев О.Ф. Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М.: Наука, 2008.
- Bertozzi 2008 — Bertozzi M. Astri d'Oriente: fato, divina Provvidenza e oroscopo delle religioni nelle *Disputationes adversus astrologiam divinatricem* di Giovanni Pico della Mirandola // Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le *Disputationes* contro l'astrologia divinatoria / A cura di M. Bertozzi. Firenze: Leo S. Olschki editore, 2008. P. 143–160.
- Buhler 1990 — Buhler S.M. Marsilio Ficino's *De stella magorum* and Renaissance Views of the Magi // Renaissance Quarterly. Vol. 43. № 2. Summer 1990. P. 348–371.
- Marcel 1959 — Marcel R. Marsile Ficini (1433–1499). Paris: Les Belles Lettres, 1958 (rééd. 2007).
- Pompeo Faracovi 1999 — Pompeo Faracovi O. Gli oroscopi di Cristo. Venezia: Marsilio, 1999.